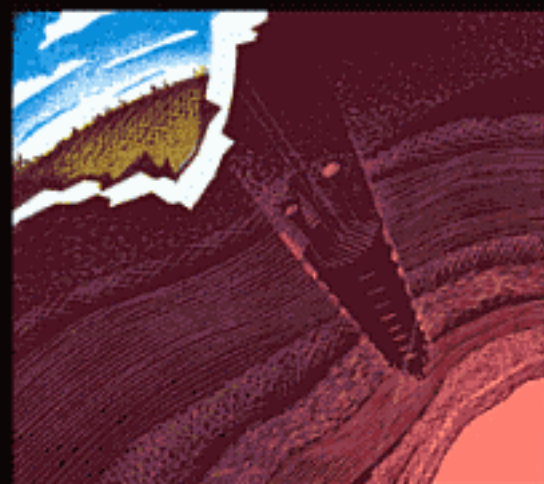

Мир приключений

Григорий АДАМОВ

Победители недр
Рассказы

Григорий Адамов

Кораблекрушение на Ангаре

«Public Domain»

1938

Адамов Г. Б.

Кораблекрушение на Ангаре / Г. Б. Адамов — «Public Domain»,
1938

В рассказе Григория Адамова «Кораблекрушение на Ангаре» писатель объединил три истории, каждая из которых открывает читателю новые сведения о возможностях новых видов получения электроэнергии – главного направления индустриализации молодой Советской Республики начала 30-х годов. В первой истории «Сильная вода», служащей как бы эпилогом ко всему рассказу, шестнадцать человек терпят крушение суденышка на бурной реке Ангаре, и, высадившись на берегу, слушают у костра историю строительства большой электростанции на Ангаре, которая к этому времени (пятая пятилетка, 1951 год), была одной из самых мощных в мире. Вторая история – «Рассказ Диего» – о приливной электростанции в капиталистической Аргентине, где работал Диего, сидящий сейчас у костра и рассказывающий об этом слушателям. Он поведал о своей нелегкой судьбе в буржуазной стране, и о том как чуть не погиб из-за того, что в его стране работу машин ставят гораздо выше жизни человека. Третью же историю – «Электростанция на морозе» – рассказал французский инженер Жан Кларетон, работавший теперь в СССР на острове Диксон на берегу Карского моря, где располагалась самая необычная электростанция в мире. Она могла работать только зимой, когда морозы не меньше 18 градусов по Цельсию, на ней вместо топлива служит вода из-под льда, а турбины вертит пар бутана – жидкого углеводорода.

© Адамов Г. Б., 1938

© Public Domain, 1938

Содержание

1. Сильная вода	5
2. Рассказ Диего	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Григорий Борисович Адамов

Кораблекрушение на Ангаре

1. Сильная вода

Удар был настолько сильным и неожиданным, что никто не удержался на месте, все повалились на палубу.

Через десять минут все было кончено: моторная лодка, получив огромную пробоину в носовой части, погрузилась в воду. Река несла на себе, по дрожащей лунной дорожке, около десятка человеческих голов – темных и круглых, как арбузы, – и небольшую лодку с задраным носом – «шитик» поместному – с остальными пассажирами.

Еще через десять минут люди вылезли из воды и из лодки на усыпанный галькой берег. Темной густой стеной, немного отступая от воды, тихо стояла тайга.

Небольшая экскурсия молодежи – студентов и работников местных заводов – сделала здесь, на берегу Ангары, не предусмотренную планом остановку.

На лужайке, у одинокой старой ели, вскоре весело постреливал искрами огромный костер. На треноге из палок закипала вода в котелке.

Люди сидели у костра полуобнаженные и сушили одежду.

Лоцман Евсей Иванович (по старой памяти все водители мелких судов на Ангаре назывались еще лоцманами), кряжистый старик с кругло подстриженной седой бородой, перетаскивал из шитика на берег припасы, которые были захвачены с мотолодки.

Профессор гидрологии Мочагин, высокий толстый человек со старомодными круглыми очками на носу, держа у огня на распяленных руках косоворотку (при выходе из шитика он упал в воду и искупался), гудел, обращаясь к соседу, Жану Кларетону:

– Мы теперь в бедственном положении, и нужно назначить настоящего начальника экспедиции...

Жан Кларетон, французский коммунист, инженер, уже немолодой, ответил с сильным акцентом:

– Не стоит! Пошлем лодку в Новобратск, и дня через два за нами придет катер... Евсей Иванович, – обратился он к лоцману, – сколько надо плыть в нашей лодке до Новобратска?

Евсей Иванович сложил под елью мешок с консервами и ответил:

– Не больно пылко несет теперь, а все же завтра к вечеру шитик там будет. Раньше бы часов за пять слетали...

– Почему такая разница? – спросил Жан Кларетон, поправляя хворост в костре.

Но надо было, однако, решить, что делать, и разгорелся спор. Предлагали разные проекты. Наконец согласились, что лучше всего все-таки послать шитик в Новобратск.

Из темноты показалась группа молодежи с охапками валежника и хвороста.

Спотыкаясь и натываясь друг на друга, они со смехом и шутками подошли к костру и свалили топливо в огромную кучу.

Среди общего шума послышался протест Веры. Она стояла в багровом свете костра, стройная, небольшого роста, в коротких шароварах и легкой майке, с голыми икрами тренированной альпинистки.

– Виктор, – громко обратилась она к молодому человеку, высокому, плечистому, с бритой головой, – мы больше не пойдем... Пусть эти лодыри теперь идут, – она указала на ребят, сидевших у костра.

– Правильно! – послышались крики. – Правильно!

– Гони феодалов! Очищай место у костра!

Пришедшие стали тащить сидевших, те сопротивлялись:

– Ведь хватит пока топлива! Дайте обсушиться! Потом пойдем!

Виктор, Вера и весь их отряд были неумолимы.

– Именем пятой пятилетки! – рычал Виктор среди шума, смеха, криков, таща за шиворот тщедушного Гаврика.

...Ушли. Пришедшие уселись вокруг костра и вскоре затихли, энергично взявшись за консервы.

Жан Кларетон опять спросил:

– Так почему же такая разница, Евсей Иванович?

– А как же? Братская плотина Ангари подняла во как! И пылкости в ней не стало. Раньше летит, бывало, шитик через шиверы и падуны, инда дух захватывает. Сильная была вода! А нынче на спокойе, словно ребенка на руках несет – не колыхнет.

– Девяносто метров высоты, батенька, плотина-то, – прогудел профессор Мочагин. – Немного таких плотин во всем мире найдете. Она подпирает Ангари на пятьсот километров, до самого Черемхова. Не только все перекаты и пороги, по-старому, по-местному шиверы и падуны, перекрыты, а даже такие города, как Братск, Балаганск, ушли под воду. Теперь-то Ангара – тихоня по сравнению с тем, что было. Ведь у нее на тысячу восемьсот километров протяжения общее падение – исток выше устья – четыреста восемьдесят метров! Были места, где на каждый километр – тридцать-сорок сантиметров падения. Такое было стремительное течение, что до тридцатиградусных морозов река не замерзала.

Только пар, бывало, стоит над ней густым туманом, дымится река, в теснинах клокочет, как кипяток.

– Очень жалею, что не удастся теперь осмотреть эту гидростанцию, – сокрушался Жан Кларетон. – Ах, как жаль! Ведь это самая крупная установка в мире – на два миллиона шестьсот тысяч киловатт!

– Да почему же не сможете? – спросил Виктор, поедая с аппетитом консервы из дичи. – Куда вам так торопиться?

– Мы потеряем с этой печальной аварией не менее чем три дня, – ответил Жан Кларетон, – а я должен как можно скорее вернуться на работу. Директор нашей электростанции заболел, и я должен заменить его. А вы бывали на Братской гидростанции? – обратился он к профессору Мочагину.

– Ну как же! Я работал на ее стройке. Да... Вы много потеряете, не осмотрев ее!

Вера подбросила хвороста в костер.

– Вы знаете, – сказала она, усаживаясь на место, – когда я думаю о том, что мы сделали с Ангарой и вокруг Ангари, у меня от восторга дрожь по телу пробегает. Мечта первой пятилетки – я тогда была еще ребенком – стала теперь, в пятьдесят первом году, в конце пятой пятилетки, реальностью. Я химик, работаю на Гандюхинском металлургическом заводе. Там применяются совершенно новые методы работы...

– Это ты про бездоменное получение железа? – спросил Веру Игнат, коренастый парень с огромной шевелюрой. – Она мне уши прожужжала сегодня на мотолодке об этой диковине.

– Да, – кивнула ему Вера, – и об электроплавке. Раз вся Ангара со своих гидростанций дает ток по три-четыре десятых копейки за киловатт-час работы, то почему не применять эту баснословно дешевую, почти даровую электроэнергию и для электроплавки сталей вместо древнего доменного процесса с его низким коэффициентом полезного действия?

– Еще бы не дешевая энергия! – проворчал профессор Мочагин. – Нигде в мире не найти такого на редкость крепкого кулака, как здесь, на Ангаре: двенадцать с лишним миллионов киловатт установленной мощности в районе одной реки! Сколько это Днепровских гидростанций? Двадцать! Девяносто миллионов киловатт-часов изумительно ровной отдачи в год!

То есть столько же, сколько было выработано в Североамериканских Соединенных Штатах – тогда, когда Ангара еще только проектировалась!

– Неслыханно! Невероятно! – бормотал Жан Кларетон, задумчиво глядя на ярко пылающий костер. – Меня много трепало по свету, я много жил и работал в буржуазных странах и много видел там замечательного в области техники. Но такого я не видел нигде... По какой цене отпускают отдельные ангарские электростанции ток потребителям?

– Самая небольшая – Удинская, – ответил Мочагин, – на притоке Ангары Уде, мощностью в триста тысяч киловатт, отпускает ток по восемь десятых копейки за киловатт-час работы, а самые крупные: Братская – в два миллиона шестьсот тысяч киловатт, Шаманская – в два миллиона киловатт – по две десятых копейки за киловатт-час.

Виктор встал и потянулся:

– Спать хочется, товарищи!.. А ведь только благодаря этой дешевке мы можем здесь, и только здесь, на Ангаре, производить искусственный каучук. Две десятых копейки за киловатт-час работы! Киловатт-час электроработы – это два-три восьмичасовых рабочих дня человека. Значит, выходит, что за две десятых копейки мы получаем работу двух-трех человек в течение целого дня!

От этих цифр может и спать расхотеться... Понятно, почему на Ангаре с ее дешевой электроэнергией сосредоточены самые дорогие энергоемкие производства: бездомное получение железа и стали на электроплавке, производство искусственного каучука, производство искусственного шелка из еловой древесины, производство алюминия из алунита – все такие производства, которые на дорогом топливе невыгодны.

Из темноты вынырнула белая борода, а потом и вся коренастая фигура Евсея Ивановича. Он подошел к костру и уселся на земле возле молчаливого человека с сухим бронзовым лицом, тонким горбатым носом и черными выющимися волосами.

– Ну что, Евсей Иванович? – спросил бронзоволицый человек.

– Да вот, значит, товарищ Диего, погнал я шитик-то с Егоровым и Степановым в Новобратск. Эх, жаль, не успели захватить с мотолодки радио... Скорее бы отсюда освободились... Еще нам не повезло, что мы на этом берегу высадились.

На этой протоке посуда не ходит. И пароходы, и баржи, и катера – все по главной протоке, вон за тем островом, ходят. Были бы мы на другом берегу – живо сняли бы нас... Что это ребят-то наших не видать? Невелика штука – хворосту набрать... Не случилось ли чего с ними? Края-то наши еще необжитые, и медведи в тайге, бывает, пошаливают.

Костер трещал, пламя высоко взвивалось кверху. Широкие тяжелые лапы старой ели, покрытые местами серой паутиной, отливали старой бронзой. И все кругом было бронзовое: и полуобнаженные тела людей, и борода Евсея Ивановича, и круглые камни на земле, и густая трава на лужайке.

Было тепло и тихо. Луна давно скрылась, и темнота сторожко стояла кругом стеной, оттесняемая пламенем костра, точно выжидая, когда можно будет надвинуться на кучку людей и поглотить ее.

Евсей Иванович встал, вставил два пальца в рот и пронзительно, по-разбойничьи свистнул, так, что у всех холодок по спине прошел.

Потом он оглушительно бросил в темноту:

– Го-го-го! До-омо-о-ой!

Все прислушались. Скоро, как будто пробиваясь сквозь темноту, донеслись далекие крики и свист.

– Идут, – сказал успокоенно Евсей Иванович, усаживаясь на место.

– А скажите, товарищ Диего, – опять обратился он к бронзоволицему молчаливому человеку, – как это вы после такой раны живы остались? Кто это вас так угостил?

Он показал пальцем на ярко освещенный пламенем костра глубокий и широкий шрам на лице Диего. Шрам шел от правого виска мимо уха, вниз, через челюсть и терялся под нею, уже на шее. Он уродовал лицо Диего, как будто раскрывая свежее кровавое мясо его, и все избегали прямо смотреть на эту часть его лица.

– Это давно... – глухо ответил Диего, – еще в Аргентине...

– Что же это вас – саблей или как? – простодушно допытывался Евсей Иванович. – За революцию небось?

– Нет. Это на производстве... Но эта рана сделала меня революционером.

– Ишь ты! – покачал головой Евсей Иванович. – А по-русски говоришь чисто, как породному.

Когда Евсей Иванович в разговоре переходил на «ты», это означало его явное сочувствие и сердечность к собеседнику.

– Я уже пять лет в Советском Союзе, – сказал Диего. – Очень усердно изучал ваш язык... и я очень полюбил его, он теперь мой родной язык.

– Да, – понимающе кивнул головой Евсей Иванович, взяв бороду в кулак, – это ты правильно...

– Как же вы получили эту рану? – спросила Вера. Она лежала у костра на груди, подпирая подбородок обеими руками. Ее серые большие глаза тепло и внимательно смотрели снизу вверх на Диего, и тот не мог удержаться от встречной улыбки.

2. Рассказ Диего

– Это было семь лет назад, – начал Диего. – Я работал тогда в Аргентине на приливной электростанции в бухте Сен-Хозе... Вы, вероятно, слышали о ней...

По ее образцу в прошлом году окончена постройка электростанции у нас на Мурмане. Я там теперь и работаю...

Из чащи слышались голоса людей, треск сучьев. Возвращалась вторая партия с топливом. Теперь его должно было хватить на весь остаток ночи. Ребята с шумом начали рассаживаться, требовать места и еды. Вера прикрикнула на них:

– Ну, будет вам... утихомирьтесь... Товарищ Диего рассказывает интересную историю.

Скоро наступила тишина, прерываемая иногда лишь тихим погромохиванием опустошаемых консервных банок.

– Принцип работы приливных станций вам, конечно, известен... – начал Диего.

– Известен, – подтвердил с полным ртом Гаврюшка.

– Не говори за других, – оборвала его Вера, – не все ведь энергетики, как ты... Товарищ Диего, расскажите поподробнее об этой станции. У большинства из нас очень смутное представление о ней.

– Мне все равно придется коснуться некоторых технических деталей, – сказал Диего, – иначе вам трудно будет понять эту историю, которая чуть не окончилась для меня так трагически.

Я попал на эту станцию двадцати трех лет. До того я работал на главной электростанции в городе Розарио помощником машиниста при одной из ее паровых турбин. По вечерам, после тяжелого десятичасового рабочего дня, я слушал лекции в вечернем техникуме. Вопросы гидроэлектротехники меня очень интересовали. Я собирался специализироваться в этой области, мечтал из техникума перейти в университет и сделаться инженером-гидроэлектриком.

Вышло, однако, иначе...

Из-за возросшей конкуренции наша электростанция остановила три агрегата. Я очутился на улице. Несколько месяцев, голодая, в безуспешных поисках работы, я продолжал еще заниматься. Но потом пришлось расстаться и с учебой, и со своей мечтой...

Диего замолчал, пристально глядя на огонь костра. Через минуту он опять заговорил:

– Вы, счастливые, не знаете всего этого. Ваша молодость протекает совсем по-другому... Да... Одним словом, скоро я очутился в Буэнос-Айресе. Там через знакомого инженера, который знал меня как развитого и грамотного рабочего, я попал на станцию в Сен-Хозе. Об этой станции очень много писали в газетах, говорили, что с ее пуском Аргентина, бедная углем, избавляется от его ввоза, делается независимой от заграницы... Это действительно очень интересная проблема.

Приливная электростанция в бухте Сен-Хозе была запроектирована, в общем, на принципе работы приливов и отливов. Аргентинские берега Атлантического океана очень выгодные в отношении высоты приливной волны. Она достигает в некоторых местах побережья двенадцати метров. Кроме того, берег изрезан массой небольших заливов, бухт, устьями рек. Самым удобным местом оказалась бухта Сен-Хозе площадью в семьсот восемьдесят квадратных километров. Бухта соединяется с океаном проливом шириной около семи километров. Минимальная высота прилива в ней составляет четыре с половиной метра, а максимальная – весной – больше восьми метров.

Проект станции был разработан еще в 1929 году комиссией инженеров, назначенной аргентинским правительством, которое искало способы сократить импорт дорогого угля. Небольшая опытная станция на тысячу киловатт, построенная в соседней бухте Десеадо, под-

твердила правильность проекта. Но вскоре наступил самый разрушительный в истории экономический кризис.

Капиталистам и правительствам капиталистических стран было уже не до новых строек, тем более таких гигантских. Проект оставался нереализованным.

К этому времени кризис немного смягчился, и к проекту вернулись. Но обанкротившееся правительство не смогло взять в свои руки постройку станции и решило передать ее частным лицам. Различные группы капиталистов – и свои, и английские, и американские – стремились захватить себе эту лакомую концессию. Обманы, подлоги, взятки и подкупы чиновников, ученых экспертов, министров, газет, кража документов, угрозы и даже убийства – все было пущено в ход в этой бешеной свалке и грызне стаи хищников. Победа досталась английской группе, которая объединилась с аргентинским капиталом, предоставив и ему кусок пирога. Через несколько месяцев после пуска станции мне посчастливилось попасть туда на работу.

Когда я впервые появился у станции Сен-Хозе, меня поразила странная картина.

Я думал найти здесь огромное здание электростанции из стекла и бетона, различные подсобные здания и сооружения. Оказалось совсем другое.

При свете утреннего солнца я увидел огромную зеркальную гладь бухты. Пролив, соединяющий бухту с океаном, был наглухо заперт гигантской плотиной, которая серой стеной, прямой, как стрела, уходила вдаль и терялась в утренней дымке тумана. Спина плотины сверкала на солнце, как серебристая чешуя чудовищной рыбы, уснувшей на поверхности океана. Это были стеклянные крыши над теми помещениями, которые были спрятаны в теле плотины.

Меня отвели в барак, где жили холостые рабочие. Это было большое общежитие казарменного типа, где мне предоставили койку. Я оставил там свой тощий чемодан и отправился в контору.

Инженер по найму рабочих коротко расспросил меня о предыдущей работе, об образовании, о политических убеждениях, об отношении к революционному профсоюзу.

Я старался, чтобы мои ответы удовлетворили его, хотя, правду говоря, они были вполне искренни. Я больше думал тогда о куске хлеба, чем о революции.

Меня поставили на ремонтную работу в пятьдесят второй группе агрегатов.

Инженер объяснил мне, что в мои обязанности входит наблюдение за состоянием этих агрегатов – турбин, питающих и выводных каналов, валов, генераторов, щитов. После этого он поручил курьеру проводить меня к месту работы.

Мы подходили к плотине со стороны бухты. Плотина начиналась у ее высокого скалистого берега, сливаясь с ним, и подымалась над уровнем воды на десять-одиннадцать метров. У самого начала плотины был широкий вход с колоннами из розового мрамора. Внутри открывался обширный сводчатый вестибюль с двумя пролетами прекрасно отделанных лестниц. Солнечный свет через стеклянную крышу заливал вестибюль.

– Тебе повезло, – усмехнулся курьер, – ты проходишь на станцию как почетный гость, через парадный подъезд.

– Почему же мне устроили такой торжественный прием? – спросил я.

– Просто теперь идет ремонт рабочей проходной – разобрали лестницу, меняют полы.

С площадки второго этажа, в раскрытую дверь, я увидел под высокой стеклянной крышей бесконечно длинный зал с глухими стенами, без окон и дверей. По всей своей длине он был уставлен бесчисленными черными, похожими на огромные остроконечные шлемы, генераторами. Они стояли на полу непрерывной лентой на расстоянии около двадцати метров друг от друга. Мощное низкое гудение наполняло этот зал, конца которого я не мог видеть. Казалось, что циклопические стены поют в унисон с тремястами сорока шестью турбогенераторами, поют песнь покоренных, но грозных рабов человека.

Мы подошли к человеку в фуражке с желтым кантом. Курьер сказал ему что-то, и человек вывел из бокового помещения электрокар. Мы стали на его площадку и с мелодичным

позваниванием понеслись вдоль строя генераторов. На вершине каждого виднелся его порядковый номер. В стены были вделаны многочисленные приборы измерения, контроля и управления каждым агрегатом.

Мелькали мимо генераторы, изредка встречались люди. Несколько толстых стен с маленькими проходами все же разделяли этот бесконечный зал на отделения, которые можно было в случае катастрофы изолировать друг от друга. Минут через двадцать электрокар остановился возле генератора с моим номером.

Нас встретил маленький, очень толстый человек с красным одутловатым лицом и порчабы выпуклыми глазами. Это был начальник отделения, состоящего из сорока агрегатов. Около него стоял мастер – пожилой человек, худой, сутуловатый, с бритым тощим лицом и толстой отвисшей нижней губой.

На всю жизнь врезались в мою память два человека. Один – с короткими сильными руками и красными пухлыми пальцами, которыми он впоследствии толкнул меня в бездну и на верную смерть. И другой – от которого я меньше всего мог ждать, что именно он будет моим спасителем.

Диего умолк. Он взял лежащий возле него толстый сук и пошевелил костер. Сноп искр и длинные языки пламени взвились кверху – и осветили внимательные молодые лица, глаза Веры и задумчиво смотревших на огонь профессора Мочагина и Жана Кларетона. Лишь один Евсей Иванович, так и не дождавшись рассказа о ране, подремывал, лежа на боку и мирно посапывая в бороду.

Наступившее молчание разбудило его, и, раскрыв глаза, он растерянно сказал:

– А? Что? Что же ты, милой, молчишь?

– Что же произошло с вами там, товарищ Диего? – спросила взволнованным голосом Вера. – Наверное, что-то ужасное... Рассказывайте же...

– Я расскажу... Я давно не вспоминал об этом, неприятно вспоминать такие переживания... но теперь я это расскажу... Нельзя сказать, что работа была у меня трудная. Агрегаты работали и управлялись почти автоматически. Каждый турбогенератор был небольшой мощности: при разности уровней между верхним и нижним бьефом в пятьдесят сантиметров мощность турбогенератора равнялась семистам киловаттам, при разности уровней в один метр – двум тысячам киловатт, а при разности полтора метра – около двух тысяч девятисот киловатт. Но мощность всех агрегатов вместе равнялась уже в маловодные дни в начале каждого цикла двумстам шестидесяти тысячам киловатт, в конце его – миллиону киловатт. За каждый цикл – приливной или отливной – вся электростанция вырабатывала около четырех миллионов киловатт-часов электроэнергии, а за сутки – пятнадцать миллионов. Весной, когда приливы особенно сильны, количество ежедневно вырабатываемой электроэнергии повышалось вдвое. Годовая выработка электроэнергии составляет таким образом около пяти с половиной миллиардов киловатт-часов... А сколько вырабатывает этой энергии Братская электростанция? – спросил Диего профессора Мочагина.

– Восемнадцать миллиардов шестьсот миллионов киловатт-часов в год, – последовал немедленный ответ.

– Значит, эта станция, самая мощная из приливных станций мира, все же в три с лишним раза меньше одной Братской. Однако она ежегодно берегает Аргентине несколько миллионов тонн импортного угля и дает ток сравнительно очень дешево – около полукопейки за киловатт-час. Это в общем недурно. Наша Мурманская станция несколько меньше, и там ток мы отпускаем по копейке с четвертью за киловатт-час, и мы считаем это тоже выгодным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.